

А
Иван Лукаш

Лесков

Иван Лукаш. Со старинной полки
Париж-Москва, YMCA-PRESS, 1995
Составление и вступительная статья -- А. Н. Богословский.
[OCR Бычков М. Н.](#)

*Россия во Христа крестится,
но во Христа еще не облеклась.*

"На краю света"

В начале этого года исполнились и незаметно миновали две литературные годовщины: 75-летие со дня рождения Гаршина и 35-летие со дня смерти Лескова.

Гаршин, с его скорбящими глазами и красным цветком, как бы предтеча Леонида Андреева и вместе с тем на Гаршине есть тонкое и светло-больное дуновение той судьбы, которой отмечены Гофман, и По, и Жерар де Нерваль. Гаршин ближе к Жерару де Нерваль и в попытках литературных воплощений, и в странности своей жизни и смерти.

Несомненную искренность Гаршина, намечавшего, может быть, новую тропу в нашей литературе, заслонили пышные декорации, театр ужасов, далеко не всегда искреннего Андреева. Теперь к Гаршину и Андрееву оборваны все нити, связующие мертвых с живыми. Их мир погас и развеялся, точно его не было вовсе.

А мир Лескова померк ли, запылится ли так же, как "небо в алмазах" Чехова и многое другое, что было и после Чехова? Нет, мир Лескова горит ярко, зловещими и ослепительными огнями.

Нелюбимый, затравленный, жалящий, невыносимо-одиноким Лесков острым углом врежется в свою эпоху, уже сошедшую в туманность, и теперь кажется, что именно Лесков был единственно отлитой формой, утверждением и очерченной до конца фигурой той эпохи, когда все в России теряло формы, смешивало очертания, исходило отрицательством и опростительством, сдвигаясь в хаос чувств и дел, чтобы померкнуть на наших глазах Россией-сумбуром.

Как будто один Лесков противостоит надвигающейся мгле, он всегда в борении, и он всегда кажется напряженным, подобранным все жилы и мускулы или для прыжка, или чтобы подставить грудь удару. И его глаза, остро-прищуренные, зеленоватые, и жесткая бородка, и еж, и сухое, измученное и мучающее лицо -- во всем "строжка" и во всем следы невыносимого борения. Своеобразный, необычайный, отдельный во всем, замкнутый в себе -- некий особый мир, только касающийся нашего общего мира, -- такие определения Лескова напрашиваются прежде всего.

Его мир резко отличен от окружающей эпохи, он писатель не своего времени, и уже отсюда его беспощадная распря с современным ему "обществом".

"Левые" отбросили его от литературы, травили с восторгом, и Писарев отдавал приказы, чтобы "ни один журнал не осмеливался печатать на своих страницах что-нибудь, вышедшее из-под пера" Лескова. "Левые" объявили его мракобесом. А "правые", а мракобесы, и среди них такой, как Победоносцев, объявили Лескова "потаенно- и хитро-ласковым нигилистом". Все враги. Один.

Не только "правые" и "левые", а все крайности человеческой натуры сходились в Лескове. Он, несомненно, одержимый, а как трудно в одержимости, и особенно русской, отличить святость от бесовщины. В Лескове было и то, и другое.

В его "Воительнице" с презрительной ненавистью начертана образа русская бабища, приятной, чернотой дебели, молитвенницы и вместе сводницы. Та же бабища, уездная леди Макбет, купчиха Катерина Львовна, с любовником Сережкой, душит отрока Федю именно тогда -- вот именно тогда! -- когда отрок читает житие ангела своего Феодора Студита. "Зверь" с доезжающим Храпошкой, "Тупейный художник", или "образочки", вставленные в глазные впадины Платониды, или холодная насмешка над всей мертвой церковностью в "Фигуре" -- все это терзающая Виева Россия, которую увидел Лесков.

Ее внешнему параду он не верит, он издевается над всеми ее "Функендорфами и Кисельворде",